
Максим ЗАМШЕВ

* * *

Я вижу тебя на набережной,
Торопливой, бесповоротно строгой.
Память обманет. Еще не набрано нам
С небесного номера. Осень выйдет убогой
Из своих передряг. Умоется снегом.
Я вижу будущее, где смычок
Не со струной подружился, а с нервом
Голым, как все мы, но тут — молчок.
Наверху так темно, что не веришь в траур,
Я не помню тебя. Боль беспричинна.
Рифмуем Прокофьев и кофе. А Штраус
Все вальсирует под вальсы своего сына,
И вместе с ним вальсируют парапеты
И памятник Ленину, что валялся тут.
А ежели свет ты увидишь где-то,
Знай, что именно там тебя не ждут.

* * *

Меня давно не существует,
Но тело есть, глаза и рот.
И обо мне не повествует
В былинах проклятый народ.
Я был всего лишь полустанком,
Но как-то осенью не встал,
Состав не принял, полный танков,
И называться перестал.
Но полустанкам в человечки
Преобразиться суждено,
Цедить нелепые словечки,
Смотреть нелепое кино
И, не оглядываясь, мчаться
Там, где сбежали от забот
Земли печальной домочадцы,
Кому даны глаза и рот.

Максим Адольфович Замшев — поэт, прозаик, критик, переводчик. Родился в 1972 году в Москве. Окончил Музыкальное училище им. Гнесиных и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Владимира Фирсова). Лауреат литературных премий им. Николая Рубцова, Николая Гумилева, Дм. Кедрина, Александра Грибоедова. Произведения переведены на пятнадцать языков. Живет в Москве.

Меня давно не существует,
Как из полка пришлось убыть.
Но тетерев опять токует,
Чтоб посмотреть в глаза убийц.

* * *

Пойдешь направо — пьяный хор,
Налево — выстрел в лоб.
И Пушкин, осознав позор,
Крушит под Псковом гроб.
В музее пылью с эполет
В окно летит беда.
В глазах дорога и скелет
Остались навсегда.
Гомер стенает, одиноко,
Прозрев на краткий миг.
Он шел направо, сколько мог,
А вышел напрямик.
Чужое горе не копи,
Для этого ты мал.
Ученый кот сбежал с цепи
И воет, как шакал.

* * *

В душу заполз отвратительный смог,
Сплющилось солнце в овал.
Если себя победить ты не смог,
Значит, ты не проиграл.
Значит, еще не настала пора
Сердце вести на убой,
Если выходишь из дома с утра,
Ночь не пойдет за тобой.
Значит, в тяжелые скудные дни
Будешь валять дурака.
Тени идут на трухлявые пни,
Как на чужие войска.

* * *

— Уйди отсюда, — говорю
Своей неспешной тени.
Она бредет на рю Дарю,
Бредет в собор без тени

Сомнений. Оду фонарю
Я сочиню от скуки.
— Уйди отсюда, — говорю, —
Я умываю руки.

* * *

А мы в империи пропали,
Совсем пропали, вот беда.
Зачем Овидия сослали,
Мы не узнаем никогда.
И только Пушкин что-то знает,
Он тоже выгнанный взашей,
Один шампанское глотает
И не читает Бомарше.
А мы, что выросли в промзоне,
Где нам никто не дал плаща,
Не вспоминаем о Назоне,
«Букет Молдавии» хлеща.
Приходит время черной пыли
Домов, что сломлены войной.
Лежат изгнанники слепые
На холмах Грузии иной.

* * *

Если ставки биты,
ставь на все, что есть.
Жгучие обиды,
скомканная честь,
терпкие разлуки,
встречи невтопад.
Здесь воры да суки,
и расселись в ряд.
Белыми зашито
нитками окно,
если ставки биты,
разорви сукно.
И пропахший потом,
нищий и смурной,
новым санкюлотом
выйди в день иной.
Если ставки биты,
встань лицом к стене.
Ведь за двух убитых
платят нам вдвойне.